

Перекрест в 97.

1. 800-811-1111

015

Torrey,

PM, 1894 KH. V

То же? в ложах. "Луг. черны"

№ 1895

Докопчено? Справно

Con. *Urocyon hemionus*

маш. 95

Русская мысль, 1894, № 5, с. 39-52

В. Тольцев. А. Я. Усов. Опыт литературной
характеристики, с. 39-52

В заглавие, и не издана Т-в, которая должна к
себе (с. 100, 100...).

Оттиски ^{слова} хранятся в личной б-ке Усова. Дарств. над-
пись: "Дорогому Антону Павловичу Усову от
автора" (ЗМ). "Усов и его время", с. 338.

Впервые: «Рус. мысль» 1894 кн. 5. (Каранд. пагинация сбоку — по «Рус. мысли»).

В. Гольцев. — «Читатель», 1897, янв., №3

Мас. №2665а, №95

А. П. Чеховъ.

(ОПЫТЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ *).

Среди современныхъ боллетристовъ, которые привлекаютъ особенно сочувственное вниманіе читателей и съ именами которыхъ связаны большія надежды нашей литературы, одно изъ наиболѣе выдающихся мѣстъ занимаетъ Антонъ Павловичъ Чеховъ. Его повѣсти и рассказы пользуются большою популярностью, расходятся во многихъ изданіяхъ. Начавши съ маленькихъ рассказовъ, — иногда просто живыхъ и съ юморомъ написанныхъ анекдотовъ, — Чеховъ въ сравнительно короткое время перешелъ къ такимъ темамъ, — очень разнообразнымъ, — которыя представляютъ значительный психологическій и общественный интересъ. Расцвѣтъ его литературной дѣятельности лежитъ еще въ будущемъ, но и того, что имъ уже написано, достаточно для признанія за Чеховымъ своеобразнаго и сильнаго дарованія. Наша критика занималась его произведеніями и указанія на отзывы наиболѣе выдающихся писателей послужатъ естественнымъ введеніемъ къ попыткѣ дать литературную характеристику автора *Степи и Скучной исторіи*.

Газеты, — пишетъ А. М. Скабичевскій, — выработали особеннаго рода литературный жанръ мелкихъ рассказовъ, эскизовъ, очерковъ, приноровленныхъ, по своей миниатюрности, къ разнѣрамъ газетныхъ столбцовъ. Самымъ главнымъ масте-

*) Публичная лекція въ пользу московскаго Комитета грамотности.

16 марта 1894. Гольцевъ писалъ Гирсову 106.

«Копія лекціи о твоихъ рассказахъ. Не знаю, удастся ли тебѣ это совершить, будетъ ли готовъ была публика. Читано 23 марта. Будетъ... Марья Павловна, Соблины, быть можетъ Иванюковъ.» (ГБЛ)

Лекція была прочтена 23 марта в 8 час. веч.

в ауд. Историч. музея. («Рус. вѣст», 1894 № 81, 23 марта)

Ч. отбѣсалъ. Лекціи свою сохранилъ: меня раздражаетъ любопытство. Между прочимъ Ч. 13

Же Ч. (сохр. отъ лекціи с нами: «Дорогому Антону Павловичу Чехову отъ автора (Гирсовъ) с. 338)

ромъ и, можно сказать, создателемъ этого жанра является А. П. Чеховъ. „Произведения Чехова, — продолжаетъ критикъ, — при всей ихъ фельетовиной скороспѣлости, обнаруживаютъ сильный талантъ, блестятъ художественностью и юморомъ. Но въ нихъ одинъ существенный недостатокъ — отсутствіе объединяющаго идейнаго начала. Авторъ весь отдается мимолетнымъ впечатлѣніямъ, спѣша поскорѣе выразить ихъ въ нѣсколькихъ статьяхъ газетныхъ строчекъ. Вслѣдствіе этого, рядомъ съ потрясающей драмой вы встрѣчаете у него рядъ анекдотовъ водевильнаго характера, написанныхъ для того лишь, чтобы посмѣшить читателей газетъ. Большія его произведенія: *Степь* и *Они* отличаются тою же калейдескопичностью и отсутствіемъ идейнаго содержанія; это не цѣльныя произведенія, а рядъ безсвязныхъ очерковъ, напизанныхъ на живую нитку фабулы разсказа“.

Такой же, по общему смыслу, отзывъ о произведеніяхъ Чехова даетъ Н. К. Михайловскій. Говоря о сборникѣ разсказовъ *Хмурые люди*, онъ приводитъ изъ нихъ красивыя описанія, признаетъ присутствіе поэзіи въ этихъ разсказахъ, но замѣчаетъ, что отъ книжки Чехова жизнью, все-таки, не вѣетъ. Дѣло, по мнѣнію Н. К. Михайловскаго, можетъ быть, въ томъ, что „г. Чехову все едино, что человекъ, что его тѣнь, что колокольчикъ, что самоубійца“. Г. Чеховъ, — продолжаетъ критикъ, — съ холодною кровью пописываетъ, а читатель съ холодною кровью почитываетъ“.

Въ другой статьѣ Н. К. Михайловскій писалъ: „За многое можно ухватиться въ разсказѣ г. Чехова (*Палита* № 6), именно поэтому ни за что нельзя ухватиться съ увѣренностью“. Критикъ опять указываетъ на безразличіе и безучастіе, съ какими Чеховъ „направляетъ свой превосходный художественный аппаратъ на ласточку и самоубійцу, на муху и слона, на слезы и воду“.

39

40

Разбирая *Скучную историю*, Н. К. Михайловскій признает ее лучшимъ и значительнѣйшимъ изъ всего написаннаго Чеховымъ. Это—трагедія, и хорошо поставленная трагедія. Въ повѣсти критикъ отмѣчаетъ хорошія, жизненные, глубоко задуманные сцены. „Оттого-то такъ хорошъ и жизненъ этотъ рассказъ, что въ него вложена авторская боль“: „талантъ долженъ время отъ времени съ ужасомъ ощущать тоску и тусклость *дѣйствительности*, долженъ ущемляться тоской по тому, что называется общою идеей или боюмъ живого человека. Порожденіе такой тоски и есть *Скучная история*“.

Я останавливаю ваше вниманіе на отзывахъ объ А. П. Чеховѣ другихъ писателей: К. К. Арсеньева, Л. Е. Оболенскаго, М. А. Протопопова и И. И. Иванова:

„Съ областью *происшествія* и анекдота, — пишетъ первый изъ этихъ критиковъ, — жанръ, избранный г. Чеховымъ, граничить только одною своею стороною, другою онъ примыкаетъ къ сферѣ повѣсти и романа“ *). Чехову „удаются п декорация, увеличивающія эффектъ дѣйствія, и портреты, нарисованные немногими рѣзкими штрихами; ему удастся, въ особенности, воспроизведеіе мгновенныхъ душевныхъ настроеній, понятныхъ безъ углубленія въ прошедшее дѣйствующихъ лицъ, безъ всесторонняго знакомства съ ними“. Въ рассказахъ Чехова паходитъ для себя достаточно простора „психологія простыхъ людей, простыхъ не по сословію или званію, а по малочисленности и несложности управляющихъ ими побужденій“. Наконецъ, одною изъ сильныхъ сторонъ Чехова критикъ признаетъ описанія природы. Чеховъ „обладаетъ искусствомъ олицетворить

*) Напомнимъ, что *Критическіе этюды* К. К. Арсеньева вышли въ 1888 году.

ее, заставляя ее жить точно человѣческой жизнью, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ свободенъ отъ подражанія образцамъ, представляемымъ, въ этомъ отношеніи, нашею и западно-европейскою литературою⁴.

Въ свою очередь Л. Е. Оболенскій, одинъ изъ первыхъ указавшій на выдающійся талантъ Чехова, упрекаетъ его, при разборѣ драмы *Ивановъ*, въ отсутствіи социологической точки зрѣнія на жизнь и искусство. Вслѣдствіе этого именно недостатка, полагаетъ критикъ, въ произведеніяхъ Чехова нѣтъ гармоніи, того единства въ разнообразіи, которое составляетъ основное требованіе искусства.

Въ другой статьѣ, напечатанной значительно ранѣе (въ декабрѣ 1886 г.), Л. Е. Оболенскій говоритъ о Чеховѣ по поводу перваго сборника его мелкихъ рассказовъ, сравнивая его произведенія съ повѣстями и рассказами В. Г. Короленко. „Сколько въ рассказахъ Чехова. — пишетъ Л. Е. Оболенскій, — жизни, сколько наблюдательности, сколько и юмора, и слезъ, и любви къ человѣку!“ М. А. Протопоповъ говоритъ о Чеховѣ въ одномъ изъ своихъ *Писемъ о литературѣ* (*Русская Мысль*, 1892 г., кн. II): „Повѣсть г. Чехова (*Жена*), — пишетъ критикъ, — тѣмъ для нашихъ цѣлей и удобна, что тенденція ея широка и, въ то же время, фальшива. Это не личная ошибка писателя, не обмолвка, — это нѣкоторымъ образомъ знаменіе времени: равнодушіе, вѣняемое въ достоинство, отсутствіе опредѣленныхъ воззрѣній, поставленное мудростью, безпринципность, возводима въ принципъ. — Это ли не характерныя черты переживаемаго нами момента?“

Въ январской книжкѣ *Артиста* за 1894 годъ И. И. Ивановъ (*Записки читателя*) указываетъ на то, что Чеховъ хочетъ дать характеристику нынѣ дѣйствующаго поколѣнія. „Другой

вопрос — справедлива ли эта характеристика и точны ли исторически наблюдения. Одно несомненно, вопрос поставлен на определенную и не высшей степени любопытную почву, притом, являющуюся литературой совершенно оригинальную. Наблюдения, кроме того, складываются в образы, — живые, типичные, свидетельствующие о несомненной психологической и художественной талантливости автора. В последних произведениях Чехова, по мнению Н. Н. Иванова, „подняты серьезные вопросы общественного содержания, именно здесь с полной ясностью сказалось стремление литературы отдать отчет в значениях времени“. Герои этих произведений, представители современного поколения, — неврастепки и пытки, неспособные ни на одушевленный идею труд, ни на глубокое одухотворенное чувство. Они-то и составляют, думает Н. Н. Иванов, печальное значение времени.

Важно отметить, что в приведенных отзывах много общего, но есть и важная различия, даже прямая противоположность. Один упрек Чехову выступает с особенной ясностью: ему ставят на вид отсутствие стройного мировоззрения, следствием чего является его безразличное отношение к людям и событиям, о которых он рассказывает, и случайность в выборе тем, которые составляют содержание его произведений. Если этот упрек справедлив, если художественный аппарат Чехова на самом деле безразлично направлен и на слезы, и на воду, то это, конечно, большой недостаток, который не может не понижать внутренней ценности многих и многих из повестей, рассказов и очерков Чехова, и вот почему. Та школа шестидесятых годов, которая предпочитала идейное искусство, вовсе не требовала, — и не могла, разумелось, требовать, — идейности, направления, отъ

41.

42.

каждого художника. Задавался вопросом, составляет ли высший идеалъ художественной деятельности безпристрастное, объективное творчество, Добролюбовъ въ статьѣ объ *Обломовичахъ* писалъ слѣдующее: „Категорическій отвѣтъ затруднителенъ и, во всякомъ случаѣ, быть бы несправедливымъ безъ ограничений и поспешеній. Многимъ не нравится покойное отношеніе поэта къ действительности, и они готовы тотчасъ же произнести рѣшительный приговоръ о несимпатичности такого таланта. Мы понимаемъ естественность подобнаго приговора и, можетъ быть, сами не чужды желанія, чтобы авторъ побольше раздражалъ наши чувства, посылалъ насъ увлекать насъ. Но мы сознаемъ, что желаніе это нѣсколько обломовское, происходящее отъ наклонности имѣть постоянно руководителей даже въ чувствахъ“.

Итъ шесть или семь назадъ, приведя въ одной изъ своихъ статей эти слова Добролюбова, я прибавилъ, что наклонность, о которой говорилъ знаменитый критикъ, и естественна, и законна: „Никто изъ насъ недостаточно авторитетенъ, чтобы руководить безукоризненно своими чувствами, потому что наши личные чувства воспитываются въ общественной средѣ, преобразуются подъ многочисленными личными и общественными вліяніями. Намъ необходимо искать руководителей въ томъ или другомъ отношеніи. Непосредственное воспитательное значеніе искусства очень велико, и мы въ правѣ желать, чтобы художникъ разумно и честно воспользовался своимъ дарованіемъ, чтобы онъ не зарылъ его въ землю и не послужилъ, прямо или косвенно, дѣломъ общественной неправды“. Вотъ здѣсь-то и лежитъ опасность для объективнаго, безстрастнаго художника: онъ не только можетъ тратить свое дарованіе на пустяки, на художественное изображеніе ничтожныхъ предметовъ и дѣйствій, но и дать красивое изображеніе

ср.
до суда
с „РМ“, 1911 г.

того, что может вызывать соблазнъ, заслуживать нравственное осужденіе. Напередъ замѣчу, что не могу не согласиться съ критиками Чехова, которые находятъ нѣкоторую случайность въ выборѣ имъ темъ и бесполезную иногда трату большого дарованія на воспроизведеніе ничтожныхъ явленій. На это были свои условія, и надо надѣяться, что художественное творчество Чехова вышло теперь на настоящую дорогу. Но отъ второго, гораздо болѣе важнаго, упрека Чеховъ вполне свободенъ: его рассказы иной разъ только смѣшили, не возбуждали серьезной мысли, но никогда и нигдѣ, ни прямо, ни косвенно, не послужили оны *общественной несправдѣ*. Спасало его то достоинство, котораго требовалъ отъ художника Чернышевскій. „Кто имѣетъ право, — писалъ Чернышевскій, — требовать отъ поэта, чтобы онъ насилывалъ свой талантъ? Можно требовать только того, чтобы онъ старался развить себя, какъ человека“.

Въ произведеніяхъ Чехова чувствуется именно *человѣкъ*, и въ доказательство этого я сдѣлаю сейчасъ краткій обзоръ содержанія его повѣстей и рассказовъ.

Разсказываетъ Чеховъ о томъ, какъ двое сотскихъ глухою осенью по грязной дорогѣ, ведутъ пойманнаго бродяжку. (*Мечты*). Устали все трое, привѣли отдохнуть. Бродяга размечтался, какъ хорошо ему будетъ жить на поселеніи. „Поставлю срубъ, братцы, — говоритъ онъ, — образцовъ накуплю... Богъ дастъ, оженюсь, дѣточки у меня будутъ“.

„Какъ ни наивны мечтанія бродяги, — замѣчаетъ авторъ, — но они высказываются такимъ искреннимъ, задушевымъ тономъ, что трудно не вѣрить имъ. Маленькій ротикъ бродяги перекосило улыбкой, а все лицо и глаза, и носикъ застыли и отупѣли отъ блаженнаго предвкушенія далекаго

30-1-12
+ 44

42
43.

счастия. Сотскіе слушаютъ и глядятъ на него серьезно, не безъ участія. Они тоже вѣрятъ“.

Взять по городу извозчикъ Иона Потаповъ (*Тоска*). Умеръ у него сынъ въ больницу, варошый, единственный. И хочется старикъ рассказать кому-либо, — слобку ли, дворянику ли, — о своемъ горѣ. Но никому оно не интересно, никто не хочетъ о немъ слушать. И томится Иона невысказанною мукой. Ночь настала. Легъ спать старикъ, но не спится ему. Онъ одѣвается и идетъ посмотрѣть лошадь.

„Жуешь? — спрашиваетъ Иона у лошади. — Ну, жуй, жуй... Коли на овесъ не выѣздили, сѣно есть будемъ... Да... Старъ я ужъ сталъ ѣздить. Сыну бы ѣздить, а не мнѣ... То настоящій извозчикъ былъ... Жить бы только...“

Иона молчитъ нѣкоторое время и продолжаетъ:

„Такъ-то, братъ, кобылочка... Нѣту Кузьмъ Ионыча... Приказалъ долго жить... Взялъ и померъ зря... Таперь, скажемъ, у тебя жеребеночекъ и ты этому жеребеночку родная мать... И вдругъ, скажемъ, этотъ самый жеребеночекъ приказалъ долго жить... Вѣдь, жалко? —“

„Лошаденка жуетъ, слушаетъ и дышитъ на руки своего хозяина.“

Иона увлекается и рассказываетъ ей все...“

Въ рассказѣ *Горь*, старый и пьяный токарь везетъ къ доктору больную жену. Дорогой она умираетъ, и въ душѣ токаря встаетъ тяжелое раскаяніе, глубокая жалость къ заколоченной и замученной имъ женщинѣ. Это душевное состояние передано Чеховымъ со свойственною ему силой, сжатостью и безыскусственностью.

„А, вѣдь, она по міру ходила! — вспоминаетъ токарь. — Самъ я посылалъ ее хлѣба у людей пропать. Коммиссія! Ей бы, дурѣ, еще лѣтъ десятокъ прожить, а то, небось, думаетъ, что я и заправду такой“.

И токарь мечтаетъ, какъ - бы хорошо жить. сызнова.

Вспомните разсказъ о томъ, какъ бѣднаго, уни-
равнаго съ голоду ребенка два сострадательныхъ
господина въ цилидрахъ, потѣхи ради, обкорми-
ли устрицами... А сколько теплаго, горячаго со-
чувствія къ людямъ въ разсказѣ *Письмо*, гдѣ пья-
венькій, попавшій подъ судъ, священникъ угова-
риваетъ дьякона не посылать къ сыну строго-
укорительнаго письма. „Прямо такъ возьми и па-
пиши ему: прощаю тебя, Петръ! Онъ пойме --отъ!
Почувствуетъ! Я, братъ... я, дьяконъ, по себѣ
это понимаю. Когда жилъ, какъ люди, и горя мнѣ
было мало, а теперь, когда образъ и подобіе по-
терялъ, только одного и хочу, чтобъ меня доб-
рые люди простили. Да и то разсуди, не правед-
никовъ прощать надо, а грѣшниковъ. Для чего
тебѣ старушку свою прощать, ежели она не
грѣшная? Пѣтъ, ты такого прости, на котораго
глядѣть жалко... Да!“

Читаете вы этотъ маленький разсказъ, и душа
ваша наполняется умиленіемъ. Этотъ безпутный
попакъ гуманнѣе, справедливѣе, поступаетъ въ
данномъ случаѣ болѣе по-христіански, чѣмъ безу-
коризненный отецъ благочинный, который про-
диктовалъ дьякону грозное письмо къ сыну. Та
же глубоко-гуманная нота ярко звучитъ въ раз-
сказѣ *Припадокъ*.

Всегда и вездѣ симпатіи Чехова на сторонѣ
униженныхъ и оскорбленныхъ, на сторонѣ искрен-
ности и правды, протавъ условнаго лицемерія и
фарисейскаго благочестія. Прочтите разсказъ *Бибы*.
Въ немъ набожный Матвѣй Саввичъ, мѣщанинъ
и съемщикъ садовъ, разсказываетъ, какъ онъ
„живя согласно съ строгою моралью“, гнуснымъ
образомъ погубилъ полюбившую его жену соседа.
Симпатіи своихъ Чеховъ не подчеркиваетъ, отъ
себя не говоритъ ни слова и осуждаютъ без-

43.

44.

правдиваго свѣтошу только *бабы*, выведенныя въ разсказѣ; но ошибиться въ томъ, куда именно направлено сочувствіе автора и на что онъ погудеть, по-моему, невозможно. Объективная форма разсказа въ данномъ случаѣ, пожалуй, усиливаетъ впечатлѣніе, возбуждаетъ въ читателѣ страстное отвращеніе къ пользующемуся почетомъ Матвѣю Саввичу.

Посмотрите, какъ иѣжно, съ какою любовью описывать Чеховъ дѣтей, — новое доказательство той глубокой гуманности, которою проникнуты его произведенія. Вотъ тринадцатилѣтняя *нянька* Варька, забитая, запуганная въ семьѣ сапожника. Днемъ ей нѣтъ минуты, чтобы присѣсть и отдохнуть, ночью она должна укачивать ребенка. Бѣдная дѣвочка доводится до сумасшествія. Ей мучительно, до безумія, *спать хочется*, и въ этомъ состояніи Варька душитъ плачущаго ребенка. „Залушивъ его, она быстро ложится на полъ, *спитъ отъ радости, что ей можно спать*“, и черезъ минуту спитъ ужъ крѣпко, какъ мертвая“.

Разсказъ *Дѣтвора*, гдѣ тонко подмѣчены черты дѣтскихъ характеровъ, вызвалъ нѣсколько весьма сочувственныхъ отзывовъ и, вѣроятно, извѣстенъ моимъ слушателямъ, и на немъ поэтому останавливаться я не буду. Столь же художественно и правдиво написанъ разсказъ *Событіе*, которое заключается въ томъ, что родится котята, и это приводитъ дѣтей въ чрезвычайный восторгъ. Отмѣчу въ этомъ маленькомъ разсказѣ слѣдующее замѣчаніе Чехова, характерное для его отношеній къ людямъ и къ природѣ: „въ воспитаніи и въ жизни дѣтей домашнія животныя играютъ едва замѣтную, но несомнѣнно благотворную роль“, — говоритъ Чеховъ. — Кто изъ насъ не помнитъ сильныхъ, но великодушныхъ псовъ, дармоедокъ-болонокъ, птицъ, умирающихъ въ неволѣ, тупоумныхъ, но надменныхъ индю-

ковъ, кроткихъ старухъ-кошекъ, продавшихъ намъ, когда мы ради забавы наступали имъ на хвосты и причиняли имъ мучительную боль? Мнѣ даже иногда кажется, — продолжаетъ Чеховъ, — что терпѣніе, вѣрность, всепрощеніе и искренность, какія присущи нашимъ домашнимъ тварямъ, дѣйствуютъ на умъ ребенка гораздо сильнѣе и положительнѣе, чѣмъ длинныя нотации сухого и блѣднаго Карла Карловича или же туманныя разглагольствованія гувернантки, старающейся доказать ребятамъ, что вода состоитъ изъ кислорода и водорода“.

Чеховъ вообще мастеръ описывать и животныхъ, и природу. Укажу для примѣра на рассказъ *Нахлебника*, гдѣ выведены забитая старая лошадь и полудохлая собака Лыска. Умѣнье слиться съ природой, олицетворить ее, въ общей картинѣ неразрывно соединить съ жизнью этой природы жизнь людей особенно удачно, по моему мнѣнію, обнаружилъ Чеховъ въ большой и превосходной „исторіи одной повѣдки“ (*Степь*). Въ глазахъ читателя ярко встаетъ эта степь и утрожъ, и днемъ, и ночью, и въ ясную погоду, и въ грозу, и ненастье. Вы чувствуете, какъ особенности степи вырабатываютъ и особенности въ отношеніяхъ людей, такъ или иначе связанныхъ со степью. Вы видите этихъ людей, понимаете, что въ степи должны быть они именно такими, что власть природы накладываетъ свою руку и на характеръ человѣка, и на характеръ его хозяйственной дѣятельности. Никакія географическія, этнографическія и экономическія описанія не дадутъ такой цѣлостной и ясной картины степи и ея жителей, какъ эта „исторія одной повѣдки“. И какія красивыя, одухотворенныя описанія природы читаемъ мы въ этой повѣсти. Приведу одинъ примѣръ.

Бѣдетъ бричка. „Точно она бѣжала назадъ, а не

дальше: путники видѣли то же самое, что и до 45.
полудня. Холмы все еще гоняли въ лиловой дали
и не было видно ихъ конца: мелькалъ бурьянъ,
булыжникъ, проносились сжатые полосы, и все
тѣ же грачи, да коршунъ, солдато-взманивающий
крыльями, летать надъ степью. Воздухъ все боль-
ше застывалъ отъ зноя и тишины, покорная при-
рода изъменяла въ молчании... Ни вѣтра, ни бо-
раго, свѣжаго звука, ни облачка.

Но вотъ, наконецъ, когда солнце стало спус-
каться къ западу, степь, холмы и воздухъ не
выдержали гнета и, истощивши терпѣнью, изму-
чившись, попытались сбросить съ себя иго. Изъ-
за холмовъ неожиданно показалось пепельно-сы-
рое кудрявое облако. Оно переглянулось со
степью, — я, молъ, готово, — и нахмурилось. Вдругъ
въ стоячемъ воздухѣ что-то порвалось, сильно
рвануло вѣтеръ и съ шумомъ, со свистомъ за-
крутился по степи. Тотчасъ же трава и прошло-
годній бурьянъ подняли ропотъ, на дорогѣ спи-
рально закружилась пыль, побѣжала по степи и,
увлекая за собой соломѣ, стрекозъ и перья, чер-
ныхъ, вертящихся столбомъ поднималась къ небу
и затуманила солнце. По степи, влохъ и полерекъ,
спотыкаясь и прыгая, побѣжали перекасти-поле, 45.
а одно изъ нихъ попало въ вихрь, завертѣлось, 46.
какъ птица, полетѣло къ небу и, обратившись
тамъ въ черную точку, исчезло изъ вида. За нимъ
понеслось другое, потомъ третье, и Егорушка ви-
дѣлъ, какъ два перекасти-поле столкнулись въ
голубой вышинѣ и виѣблились другъ въ друга,
какъ на ноединкѣ.

Позвольте мнѣ сопоставить съ этимъ описані-
емъ картину той же степи, нарисованную дру-
гимъ художникомъ, Левитовымъ.

„Чувствую я, — пишетъ Левитовъ, — что голову
мою начинаетъ жечь налицій жаръ степной. Удру-
ченная своею скорбною думой, съ каждымъ ша-

В. Гусев

гомъ развивавшеюся все печальнѣе и печальнѣе, она невыразимо страдала: какія то проклятыя смѣ- гались въ ней, какая-то мука тяготѣла надъ ней и не давала возможности сообразить, лучъ ли солнечный билъ въ нее этою мукой, или какое-то смертное томленіе, обыкновенно примѣчаемое въ пустынѣ, когда солнце зальетъ ее потоками своего палищаго свѣта, заставляетъ ее страдать?

„И дѣйствительно, самое равнодушное сердце не могло не биться усиленно при видѣ этой картины одного общаго, всецѣлаго, такъ сказать, страданія. И, казалось вамъ, тѣмъ тяжелѣе страдала природа, что не было слышно ни одного звука, обыкновеннаго въ этихъ случаяхъ; только одни глаза видѣли во всемъ какую-то удушающую, гнетущую полноту...

„Придорожныя ветлы, какъ человѣкъ въ неожиданномъ несчастіи, распустили свои запыленные вѣтви и молчаливо стояли, будто окаменѣлыя. Десятки птицъ унижали ихъ кривые сучья. Идете вы и видите, какъ какой-нибудь воронъ, въ другое время чуткій и пугливый, теперь и не думаетъ примѣчать васъ. Висѣлисъ онъ острыми когтями въ древесную кору, раздвинулъ сѣрныя крылья и озадаченно смотритъ на васъ, удивляясь, повидному, вашей охотѣ топтаться въ такую мучительную пору. Навстрѣчу вамъ, время отъ времени, пробѣжитъ тощая, искалѣченная, съ перебитою ногой, собака, съ хвостомъ, волочащимся по землѣ. И въ глазахъ животнаго видна та же мука. Такъ жалобно посмотрѣла на васъ собака, такъ выразительно замахала хвостомъ, что будто просила васъ помочь какъ-нибудь ея перебитой ногѣ.

„А по обѣимъ сторонамъ степной дороги, изъ золотыхъ волнъ ржи, мелькаютъ бѣлыя рубахи на трудящихся спинахъ людей. Вамъ не видно красныхъ изможденныхъ лицъ этихъ людей, покрытыхъ кровавымъ потомъ, — и лучше!

„И все это какъ-то непріязненно молчить молчаніемъ мертвеца, словно на чьему-нибудь строгому запрощенію... 46.

„Но прихотливы бываютъ дорожныя думы... Идете вы и думаете: что было бы, ежели бы все это, не вынесши своей тяжелой боли, вскрикнуло вдругъ?“

Картина степного зноя у Чехова сжатѣе, образнѣе, красивѣе; но я хочу обратить ваше вниманіе на другую особенность Чехова въ изображеніи природы. Описаніе Левитова субъективно, онъ самъ и люди вообще играютъ преобладающую роль; Чеховъ является пантеистомъ, въ его степи человѣкъ—одно изъ множества явленій, равноправныхъ съ другими. Мнѣ кажется, что такое міропониманіе разлито и въ другихъ произведеніяхъ этого даровитаго писателя. Въ рассказѣ *Перекати-поле*, который ведется отъ перваго лица, есть такое разсужденіе: „Не далѣе какъ на аршинъ отъ меня лежалъ скиталецъ: за стѣнами въ номерахъ и на дворѣ, около телѣгъ, среди богомольцевъ не одна сотня такихъ же скитальцевъ ожидала утра, а еще дальше, если сумѣть представить себѣ всю русскую землю, какое множество такихъ же перекасти-поле, ища гдѣ лучше, шагало теперь по большимъ и проселочнымъ дорогамъ или, въ ожиданіи разсвѣта, дремало въ постоянныхъ дворахъ, корчмахъ, гостиницахъ, на травѣ подъ небомъ... Засыпая, я воображалъ себѣ, какъ-бы нашлись разумъ и языкъ, которые сумѣли бы доказать имъ, что *эта жизнь такъ же мало нуждается въ оправданіи, какъ и всякая другая*“ 47.

Это міровоззрѣніе принимаетъ, иногда, у Чехова печальный оттѣнокъ. Въ рассказѣ *Счастье* есть такое, напримѣръ, мѣсто: „Проснувшіеся грачи, молча и въ одиночку, летали надъ землею. Ни въ лѣнивомъ полетѣ этихъ долговѣчныхъ

птицы, ни въ утрѣ, которое повторяется аккумулятивно каждые сутки, ни въ безграничности степи, — ни въ чемъ не вило было смысла“. Есть другое мѣсто, въ другомъ произведеніи, о которомъ я уже говорилъ, въ *Степи*, гораздо болѣе сильное: „Когда долго, не отрывая глазъ, смотришь на глубокое небо, то почему-то мысли и душа сливаются въ сознаніе одиночества. Начинаешь чувствовать себя непоправимо одинокимъ и все то, что считалъ раньше близкимъ и роднымъ, становится бесконечно-далекимъ и не имѣющимъ цѣны. Звѣзды, глядящія съ неба уже тысячи лѣтъ, само непонятное небо и мгла, равнодушная къ короткой жизни человѣка, когда остаешься съ ними съ глазу на глазъ и стараешься постигнуть ихъ смыслъ, гнетутъ душу своимъ молчаніемъ; приходитъ на мысль то одиночество, которое ждетъ cadaго изъ насъ въ могилѣ, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной“...

Не правда ли, глубокою скорбью, трогательною печалью вѣетъ отъ этихъ строкъ?

Пойдемъ далѣе. Въ той же *Степи* говорится объ одинокой могилѣ, въ которой зарытъ убитый и ограбленный купецъ. „Въ одинокой могилѣ есть что-то грустное, мечтательное и въ высокой степени поэтическое... Слышно, какъ она молчитъ, и въ этомъ молчаніи чувствуется присутствіе души неизвѣстнаго человѣка, лежащаго подъ крестомъ. Хорошо ли этой душѣ въ степи? Не тоскуетъ ли она въ лунную ночь? А степь возлѣ могилы кажется грустной, унылой и задумчивой, трава печальнѣй и кажется, что кузнечики кричать сдержаннѣй“...

Тѣ же ноты слышатся въ размышленіяхъ Рябо-вича (въ рассказѣ *Поцѣлуй*). Тотъ контрастъ, который такъ удивительно изображенъ Пушкинымъ въ элегій *Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ*, часто останавливаетъ на себѣ вниманіе Чехова.

47.

B

Вотъ умершаго матроса (*Гусева*) завернули въ саванъ-мѣшочъ и торжественно спускаютъ въ море. Не донесъ до дна бѣлой матросикъ: перехватила его акула... „А поверху въ это время, въ той сторонѣ, гдѣ заходитъ солнце, скоулаются облака; одно облако похоже на триумфальную арку, другое на льва, третье на похитца... Изъ-за облаковъ выходитъ широкій зеленый лучъ и протягивается до самой средины неба: немного погода, рядомъ съ этимъ ложится фиолетовый, рядомъ съ нимъ золотой, потомъ розовый... Побо становится нѣжно-сиреневымъ... Глядя на это великолѣпное, очаровательное небо, океанъ сначала хмурится, но скоро самъ приобретаетъ нѣжные, ласковые, радостные, страстные, какіе на человѣческомъ языкѣ и назвать трудно“.

Для пониманія произведеній Чехова я считаю очень важнымъ эту точку зрѣнія и поэтому еще немного задержу ваше вниманіе на вопросѣ объ его міровоззрѣніи. Въ разсказѣ *Вѣрочка* Огневъ идетъ ночью, горячо простившись со старикомъ Кузнецовымъ, и думаетъ „о томъ, какъ часто приходится въ жизни встрѣчаться съ хорошими людьми и какъ жаль, что отъ этихъ встрѣчъ не остается ничего больше, кромѣ воспоминаній. Вызвезетъ такъ, что на горизонтѣ мелькнутъ журавли, слабый вѣтеръ донесетъ ихъ жалобно-восторженный крикъ, а черезъ минуту съ какою жаждою ни вглядывайся въ синюю даль, не увидишь ни точки, не услышишь ни звука; такъ точно люди съ ихъ лицами и рѣчами мелькаютъ въ жизни и утопаютъ въ нашемъ прошломъ, не оставляя ничего больше, кромѣ ничтожныхъ слѣдовъ памяти“.

Теперь вспомните, что Чеховъ—медикъ по профессіи, и вамъ станетъ много понятно въ его художественномъ творчествѣ, многие изъ упрековъ критики, на первый взглядъ основательные, дол-

47

48.

жины быть смелыми, а другие нельзя не признать и совсем неосновательными. Талантливый беллетрист поступает иногда как талантливый и дооросовѣстный земскій врачъ: быстро поставивъ діагнозъ трудно-болѣзному, онъ переходитъ къ другому, который воображаетъ, что онъ боленъ, и возбуждаетъ либо смѣхъ, либо досаду и т. д. Впечатлѣніяхъ Чехова, въ простотѣ, ясности и точности изображеній, мы также узнаемъ естествоиспытатели. Въ его повѣстяхъ и разсказахъ часто встрѣчаются больные люди со сложными движеніями ненормальной души. Какъ врачъ, онъ спокойно относится къ людскимъ страданіямъ, но не можетъ не останавливаться на такихъ явленіяхъ, когда болѣзнь неожиданно и негаланно упоситъ павѣтующую, полную надеждъ молодую жизнь (разсказъ *Тифъ*).

Не только отдѣльно взятые люди и не одна природа привлекаютъ вниманіе Чехова. Рѣже, гораздо рѣже, но, все-таки, встрѣчаются у него картины общественной жизни, полная глубокаго смысла, вызывающія у автора скорбныя мысли. Прокуроръ, напримѣръ, въ разсказѣ *Дома*, вспоминаетъ объ исключенныхъ изъ гимназій и не можетъ не признать, что наказаніе очесъ часто приноситъ гораздо больше зла, чѣмъ само преступленіе. „Животный организмъ, полагаетъ прокуроръ, обладаетъ способностью быстро приспособляться, привыкать и привыкаться къ какой угодно атмосферѣ, иначе человекъ долженъ былъ бы каждую минуту чувствовать, какую неразумную подкладку нерѣдко имѣетъ его разумная дѣятельность и какъ еще мало осмысленной правды и уверенности даже въ такихъ ответственныхъ сферахъ по результатамъ дѣятельности, какъ педагогическая, юридическая, литературная“...

Отмѣтимъ это „еще мало осмысленной правды и уверенности“, какъ лучъ тепла и надежды въ печальномъ міропониманіи, которое мы имѣли

48.

49

основание предположить въ авторѣ *Скудной исторіи*. Какъ художникъ Чеховъ можетъ поэтизировать горе, самую смерть. Описывая, на примѣръ, смерть ребенка въ семьѣ доктора, Чеховъ говоритъ: „Тотъ отталкивающий ужасъ, о которомъ думаютъ, когда говорятъ о смерти, отсутствовалъ въ спальнѣ. Во всеобщемъ столбнякѣ, въ позѣ матери, въ равнодушии докторскаго лица лежало что-то притягивающее, трогательное сердце, именно та тонкая, едва уловимая красота человѣческаго горя, которую не скоро еще научатся понимать и описывать и которую умѣетъ передавать одна только музыка“ (*Врач*).

Эта поэтизація горя можетъ, конечно, вестись къ крайне вреднымъ результатамъ, стать весьма прискорбною односторонностью; но Чеховъ свободенъ отъ такой односторонности. Въ томъ же разсказѣ онъ говоритъ: „Несчастные эгоистичны, злы, несправедливы, жестоки и менѣе, чѣмъ глухыя, способны понимать другъ друга. Не соединяетъ, а разъединяетъ людей несчастье, и даже тамъ, гдѣ казалось бы, люди должны быть связаны однородностью горя, продѣлывается гораздо больше несправедливостей и жестокостей, чѣмъ въ средѣ сравнительно довольной“.

Несправедливость и жестокость развиваются, конечно, въ благоприятной для нихъ ненормальной общественной средѣ. Чеховъ мастерски описываетъ нашу городскую (уѣздную) жизнь, въ которой нѣтъ никакихъ духовныхъ интересовъ, гдѣ дремлетъ мысль, гдѣ замираютъ добрые порывы людей, пришедшихъ туда и съ образованіемъ, и съ желаніемъ трудиться. Такую картину видимъ и въ *Палатѣ № 6*, и въ другихъ разсказахъ, на примѣръ, въ *Мыслитель*. Въ разсказѣ *Злоумышленникъ* съ потрясающею силой и съ удивительною простотою передана судебная трагедія: мужикъ отвинчивалъ гайки у рельсовъ желѣзной

дороги; тайки нужны ему для рыбной ловли, а онъ никакъ не можетъ понять, что это такое преступленіе, что за это ему грозить острогъ. 49.

Есть у Чехова маленькій рассказикъ, всего въ три странички. — *Отставной рабъ*, гдѣ съ необыкновенною точностью изображено то нравственно-искалѣченіе, которому подвергались люди при крѣпостномъ правѣ. Я не стану приводить его содержанія и упоминаю о немъ лишь затѣмъ, чтобы привести новое доказательство того, что Чеховъ хорошо понимаетъ зло несправедливыхъ и несвободныхъ общественныхъ условий, хоть и рѣдко затрагиваетъ такіа темы. Такое же впечатлѣніе производятъ и рассказы *Капитанскіе мушкетеры*, въ которомъ портной Меркуловъ съ удивленіемъ сообщаетъ, что капитанъ, не заглаживая 50, ему за мушкетеръ, билъ его точно такъ же, какъ въ счастливый для рабьей души время бивалъ Меркулова баронъ Шауцель...

Затронуть у Чехова и другой важный вопросъ. Въ рассказѣ *Неприятность* мировой судья говоритъ, что „въ настоящее время честныхъ и трудолюбивыхъ работниковъ, на которыхъ вы можете положиться, можно найти только среди интеллигенции и мужиковъ, т. е. среди этихъ двухъ крайностей и только“. Весьма трудно найти честнаго и трудолюбиваго фельдшера, писаря, приказчика... Земскій докторъ замѣчаетъ на это, что иначе и быть не можетъ, что у такого *средняго человека* нѣтъ ни образованія, ни собственности; „читать и ходить въ церковь ему некогда, насъ онъ не слышитъ, потому что мы не подпускаемъ его къ себѣ близко. Такъ онъ и живетъ изо дня въ день до самой смерти безъ надежды на лучшее, обѣдая впроголодь, боясь, что вотъ-вотъ его прогонятъ изъ казенной квартиры, не зная, куда приткнуться своимъ дѣтямъ. Ну, какъ тутъ, скажите, не пьянствовать, не красть? Гдѣ тутъ взяться принципамъ!“

И далеко не исчерпал, конечно, содержанием произведения Чехова, да это и невозможно въ пределах публичной лекции. Дарование этого писателя заключается въ расцвѣтѣ, и правда, онъ въ его художественной деятельности еще вперед. Мы замѣчаемъ въ послѣднее время расширеніе круга его наблюдений и углубленіе содержания его работъ и разсказовъ. *Разсказъ неизвестнаго человека* даетъ намъ замѣчательно удачную картину извѣстной части петербургскаго бюрократическаго міра. А. М. Скабичевскій, довольно сурово относившійся къ Чехову, считаетъ введеніемъ имъ въ *Библѣю царства* типа Алены Акимова самымъ замѣчательнымъ типомъ купеческой семьи послѣ комедій Островскаго.

Нѣтъ основаній опасаться, что въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Чеховъ будетъ случайно выбирать темы, расходясь свои силы на изображеніе ничтожныхъ явленій, хотя, — спѣшу прибавить, — возбудить остроумною шуткою, въ художественной формѣ, здоровый смѣхъ есть немаловажная заслуга. Юморъ Чехова отличается нѣрѣдко заразительною веселостью и возбуждаетъ въ читателѣ хорошее, свѣтлое настроеніе. Эта трагическая особенность его таланта спасаетъ его отъ избытка пессимизма, отъ налета горькой скорби въ виду массы случайнаго и жестокаго.

Я передамъ въ немногихъ словахъ, оцѣню нѣкоторые юмористическіе разсказы Чехова въ виду того, что въ этотъ съ перваго взгляда искрометный замѣчательный, мнѣ кажется, серьезная мысль. Къ сожалѣнію, разсказъ въ передачѣ будетъ, конечно, испорченъ.

Въ кабинетѣ доктора Кошэлькова (*Произведеніе искусства*) входитъ молодой человекъ Смирновъ. Докторъ выѣчалъ юношу, и вотъ его мать, покойный мужъ которой торговалъ старинною бронзою, посылаетъ доктору въ благодарности канделябръ, дѣйствительно художественной раба-

сы, но съ непристойными женскими фигурами. 51.
Докторъ посмотрѣлъ на подарокъ.

— «А, всѣцъ, дѣйствительно, прекрасная, — пробормоталъ онъ, — но... какъ-бы выразиться, не тово... не литературна слишкомъ... Это ужъ не деболяго, а чертъ знаетъ что...»

Молодой человѣкъ пристасть къ доктору, убѣждая его быть выше толпы. У самого Смирнова отъ созерцанія этого канделябра душу наполняетъ благоговѣйное чувство и къ горлу подступаютъ слезы. Агъ нашимъ декадентамъ.

Смирновъ жалѣеть только о томъ, что у нихъ нѣтъ пары для этого канделябра, и павязываетъ-таки его доктору.

Кошельковъ въ недоумѣнн: оставить у себя въ квартирѣ такое *произведение искусства*, конечно, дѣло невозможное.

Везетъ онъ канделябрь къ адвокату Ухову. Тотъ приходитъ въ неописанный восторгъ, но принимать подарка не соглашается.

«У меня бываютъ тутъ мать, клиенты... да я отъ преслуги совѣтъ...»

Докторъ однако насильно отставляеть свой канделябрь, а адвокатъ придумываетъ подарить его бенефицианту, комику Шашкину. Шашкинъ также въ восторгъ и также не желаетъ оставлять у себя этого *художественнаго произведения*. Онъ продаетъ его старухѣ, торгующей бронзой.

Черезъ два дня въ квартиру доктора Кошелькова является улыбающійся, счастливый Самъ Смирновъ.

«Докторъ! — началъ онъ, задыхаясь. — Представьте мою радости! На ваше счастье, намъ удалось приобрести пару для вашего канделябра. Мамаша такъ счастлива... Я единственный сынъ у матери... вы спасли мнѣ жизнь...»

Того, кто написалъ эту милую шутку, этотъ полный смысла анекдотъ, не увлечетъ одна фор-

жа, тотъ потребовать отъ дѣйствительнаго художественнаго произведенія чистоты и гармоніи.

Этимъ качествами отличаются рассказы и повѣсти Чехова. Отъ нихъ вѣетъ правдивостью, они не описываютъ того, чего не было, не знаютъ, не перечувствовать. Его несидиловское міропониманіе не принимаетъ гнетущаго характера, нигдѣ у него не звучитъ отчаяніе. Ничего лишняго къ живому человѣку и тонкое художественное чутье, съ какими Чеховъ любитъ и человека, и природу, придаютъ его духамъ ослучайности и быстротечности жизни печальный, но мягкій отблескъ, подобный тому міропониманію, которое разлито въ произведеніяхъ Тургенева. Симпатія къ слабому, негодованіе къ сильному, злему — вотъ что часто выносятся изъ рассказовъ Чехова; ни на одну дурную мысль они не натолкнутъ, никакого сквернаго побужденія не вызовутъ. Чувствуется въ нихъ недостатокъ мужественныхъ, призывныхъ нотъ, — и попятно почему: отлѣльно вѣданный человѣкъ — ничтожный атомъ въ вѣчномъ міровомъ круговоротѣ. Въ виду бездоннаго неба онъ, одинокій, дѣйствительно долженъ испытывать либо ужасъ, либо глубокую печаль. Но въ томъ-то и дѣло, что человѣкъ не одинокъ. Любовью, дружбою, идеями связаны между собою люди, и, опираясь другъ на друга, они имѣютъ полное основаніе смѣрять въ историческую даль съ доброю надеждою, съ сознательными уопованіями. Итти рядами и шеренгами, при свѣтѣ науки, подъ знаменемъ общественнаго и личнаго идеала, значить утратить свои силы, значить бесконечно ускорить побѣду на землѣ добра, справедливости и самой красоты. Изображать въ художественныхъ произведеніяхъ движенія человеческой души въ общественныхъ условіяхъ, изображать общественное движеніе, въ которомъ выступаетъ и личность, и масса, — составляетъ вы-

51.

52.

сопругу задачу искусства. Будет ли при этом писатель объективным художником или пророкомъ освобожденія, — этотъ вопросъ рѣшается не требованиями со стороны, но самою природою художника. Критика должна требовать одного этого, о чемъ говорилъ Чернышевскій: художникъ *долженъ* развивать въ себѣ человека. Это требование Чеховымъ исполнено. Но если нельзя предъявлять другихъ *требований*, то можно высказывать горячія желанія. Пожелаемъ же, чтобы художникъ-человѣкъ былъ и художникомъ-гражданиномъ.

Художественное произведение, написанное человекомъ, который любитъ простоту и правду, который любитъ людей, доставить, конечно, и эстетическое наслаждение, и нравственное удовлетвореніе. Оно поддержитъ иной разъ слабѣющую энергію или потухающій гнѣвъ. Но если принять во вниманіе, какъ мало, сравнительно говоря, число людей, живущихъ отвлеченными идеями, способныхъ увлекаться принципами, то станетъ понятнымъ желаніе искать помощи у искусства для болѣе опредѣленнаго воздѣйствія на общество, для воспитанія въ немъ не только добрыхъ чувствъ, но и гражданскихъ стремленій. Служенію красотѣ и правдѣ вызываетъ глубокое уваженіе. Это уваженіе только усилится, если художникъ, выйдя съ тѣмъ, послужить и дѣлу общественной справедливости, если онъ дастъ намъ, въ прекрасныхъ формахъ, не только изображеніе дѣйствительности, ее мутныхъ волнъ или ее гниющаго болота, но подмѣтитъ и освѣтитъ новыя, свѣжія теченія, — а, вѣдь, они несомнѣнно существуютъ, — если онъ укажетъ намъ широкіе пути къ разумному, человѣчному счастью, котораго нѣтъ и быть не можетъ безъ энергичнаго труда ради общественной правды, безъ честной борьбы ради народнаго счастья.

В. Гольцевъ.